

УДК 94:338(47+57)»1953/1956»

С. Н. Андреенков

Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия),
e-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Изменение порядка определения минимума трудодней в колхозах и трудовое поведение колхозников (середина 1950-х гг.)

Аннотация

Введение. В настоящее время исследование аграрной политики постсталинского «коллективного руководства» – одно из наиболее востребованных направлений изучения аграрной истории СССР. Все более актуальным становится анализ решений правительства, призванных расширить самоуправление колхозов. В центре нашего внимания – цели, ход и результаты осуществления принятого 23 июня 1954 г. Советом Министров СССР под председательством Г. М. Маленкова постановления «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников», предоставлявшего колхозам возможность определять трудовую нагрузку для работающих членов сельхозартели.

Материалы и методы. Исследование имеет конкретно-исторический характер. Опорные для него источники – указанное выше постановление, а также два отчета о его осуществлении, выявленные в фонде № 7486 «Министерство сельского хозяйства СССР» Российского государственного архива экономики. Содержащаяся в этих документах информация позволяет скорректировать устоявшиеся представления об анализируемых процессах, выявить их скрытые тенденции.

Результаты исследования. При осуществлении постановления от 23 июня 1954 г. не обошлось без серьезных нарушений положений документа, выраженных, в частности, в установлении заниженных нагрузок. Большая часть эксцессов была связана с утверждением минимумов выработки отдельно для мужчин и женщин: просматривалось стремление освободить женщин от труда на колхозных полях и фермах, чтобы они могли больше внимания уделять домашнему хозяйству, а также намерение минимизировать трудовую нагрузку для мужчин в период с конца осени и до начала лета.

Обсуждение и заключение. Меры правительства по развитию самоуправления колхозов, важнейшей из которых было принятие рассматриваемого постановления, колхозники не оценили и прогнозируемый властью большой трудовой энтузиазм в целом не проявили. Наоборот, снижение административного давления на хозяйства крестьяне восприняли как шанс снизить трудовую нагрузку. У колхозников появилась возможность перераспределить время и силы, расходуемые на труд в общественном секторе колхозного производства, в пользу индивидуального хозяйства, что не противоречило проводившемуся в это же время курсу на поддержку личных подсобных хозяйств. Решение правительства стимулировать личные подсобные хозяйства (ЛПХ), принятое в целях предотвращения острого продовольственного кризиса, в целом не способствовало развитию колхозов и совхозов.

Ключевые слова: обязательный минимум трудодней, постановление правительства от 23 июня 1954 г., правительство Г. М. Маленкова, колхозы, колхозники, трудовое поведение, личное подсобное хозяйство.

Для цитирования: Андреенков С. Н. Изменение порядка определения минимума трудодней в колхозах и трудовое поведение колхозников (середина 1950-х гг.) // Экономическая история. 2025. Т. 21, № 2. С. 124–136. DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.124-136.

Благодарности: Статья выполнена по теме государственного задания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

© Андреенков С. Н., 2025

Sergey N. Andreenkov

Institute of history SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Changes in the Procedure for Determining the Minimum Workdays in Collective Farms and Labour Behaviour of Collective Farmers (mid-1950s)

Abstract

Introduction. At present, the study of the agrarian policy of post-Stalin's 'collective leadership' is one of the most actual areas of the study of agrarian history of the USSR. The analysis of government decisions designed to expand the self-government of collective farms is becoming more and more relevant. The focus of our attention is on the goals, progress and results of the implementation of the resolution adopted on 23 June 1954 by the Council of Ministers of the USSR under the chairmanship of G. M. Malenkov 'On the compulsory minimum of workdays for able-bodied collective farmers', which gave collective farms the opportunity to determine discretion the workload for working members of the agricultural collective.

Materials and Methods. The study is of a concrete-historical character. The sources of reference for it are the above-mentioned decree, as well as two reports on its implementation, found in the fonds of the Ministry of Agriculture of the USSR No. 7486 of the Russian State Archive of Economics. The information contained in these documents makes it possible to correct the established ideas about the analysed processes and reveal their hidden trends.

Results. The implementation of the decree of 23 June 1954 was not without serious violations of the provisions of the document, in particular, in the establishment of underestimated workloads. Most of the excesses were connected with the approval of minimum workloads for men and women separately: there was a desire to free women from labour in collective farms so that they could devote more attention to the household, as well as an intention to minimise the workload for men from the end of autumn to the beginning of summer.

Discussion and Conclusion. The government's measures to develop self-governance of collective farms, the most important of which was the adoption of the decree under consideration, were not appreciated by collective farmers, and the great labour enthusiasm predicted by the authorities was not generally shown. On the contrary, the peasants perceived the reduction of administrative pressure on farms as a chance to reduce their labour load. Collective farmers had an opportunity to redistribute the time and effort spent on labour in the public sector of collective farm production in favour of individual farming, which did not contradict the policy of supporting private subsidiary farms that was being pursued at the same time. The government's decision to stimulate private subsidiary farms, taken in order to prevent an acute food crisis, did not generally contribute to the development of collective and state farms.

Keywords: compulsory minimum of labour days, government decree of 23 June 1954, G. M. Malenkov's government, collective farms, collective farmers, labour behaviour, personal subsidiary farming.

For citation: Andreenkov S. N. Changes in the Procedure for Determining the Minimum Workdays in Collective Farms and Labour Behaviour of Collective Farmers (mid-1950s). *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2025; 21(2): 124–136. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-630X.069.021.202502.124-136.

Acknowledgements: The article is based on the state assignment "Socio-economic potential of the Eastern regions of Russia in the twentieth and early Twenty-first centuries: management strategies and practices, dynamics, and the geopolitical context" (FWZM-2024-0005).

Введение

В настоящее время различным проблемам истории колхозной системы и советского крестьянства в годы первого послевоенного десятилетия посвящено немало научных публикаций [1–3; 7–12; 15; 16; 18–20]. Наименее изученной остается аграрная политика постсталинского «коллективного руководства».

После смерти И. В. Сталина центральное руководство СССР намеревалось в первоочередном порядке преодолеть продовольственный дефицит, создать стратегические резервы зерна, поднять потребление продуктов питания до уровня, соответствующего научно-медицинским нормам. Решение этих задач должно стать первым шагом к изобилию материальных благ, без кото-

рого невозможно было войти в коммунизм. Пути повышения продуктивности сельского хозяйства, самой проблемной отрасли экономики, руководители страны видели по-разному. С одной стороны, использовались административно-мобилизационные методы управления сельхозпредприятиями, с другой – меры по либерализации аграрной системы.

Противоречивые тенденции оттепели наиболее рельефно проявились в 1954 г. С весны набирала обороты инициированная главой КПСС Н. С. Хрущевым кампания по освоению целинных и залежных земель в восточных районах страны, которая предусматривала мобилизацию сил и средств для немедленного получения столь нужного родине хлеба. Залогом ее успеха считалась высокая продуктивность создаваемых на новых землях больших зерновых совхозов, плодородие целинных и залежных почв и трудовой энтузиазм первоцелинников, порожденный патриотическим духом и верой в светлое будущее. В то же время правительство во главе с Г. М. Маленковым проводило в деревне экономическую политику, нацеленную на удовлетворение индивидуальных и групповых интересов крестьян. Впервые с начала массовой коллективизации для колхозников создавались возможности достойно зарабатывать в общественном хозяйстве, что также должно породить очевидный трудовой энтузиазм и повысить продуктивность аграрного сектора экономики.

Первая постсталинская аграрная программа, озвученная Г. М. Маленковым 8 августа 1953 г. в докладе на сессии Верховного Совета СССР¹ и отраженная в принятой позднее серии постановлений²,

предусматривала существенное увеличение финансирования сельского хозяйства и использование в целях стимулирования колхозов организационно-экономических механизмов действующей аграрной модели. Речь шла о формировании у машинно-тракторных станций (МТС) материальной заинтересованности в наращивании производительности колхозов, усилении технической базы хозяйств, повышении уровня заготовительных цен и создании условий для реализации производственно-кооперативного начала сельхозартелей, развития колхозных рынков и торговли. Вопросы об улучшении технического обслуживания колхозов, предоставлении им больших финансовых средств и хозяйственной самостоятельности в сталинские годы в высших эшелонах власти ставились неоднократно, но реальные шаги по их решению так и не были сделаны, поскольку И. В. Сталин уделял значительное внимание мобилизации трудовых ресурсов деревни для реализации общегосударственных задач. Г. М. Маленков, стоявший у истоков аграрной десталинизации, не намеревался менять каким-либо образом организационные конструкции сталинской аграрной системы. Такие «революционные» мероприятия, как реорганизация МТС, массовое укрупнение колхозов и преобразование их в совхозы, строительство госхозов на целине, активно продвигал Н. С. Хрущев.

При анализе аграрной политики постсталинского «коллективного руководства» целесообразно акцентировать внимание на попытках правительства увеличить полномочия колхозников в управлении общественным производством и организационно-экономическими делами артели.

¹ См.: Маленков Г. М. Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Хабаровск, 1953.

² См.: Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1953 г. «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям» // Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. док. Т. 4. 1953–1957 гг. М., 1958. С. 16–18; Постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства» // Там же. С. 20–61; Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. «О мерах по дальнейшему улучшению работы машинно-тракторных станций» // Там же. С. 96–120 и др.

Первый и важнейший шаг в этом направлении – принятие 23 июня 1954 г. Советом Министров СССР постановления «Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников»³, предоставившего колхозным собраниям возможность определять трудовую нагрузку для работающих членов сельхозартели с учетом местных условий. К этому вопросу руководство страны вновь обратилось уже после ухода Г. М. Маленкова с поста председателя правительства. 6 марта 1956 г. вышло партийно-правительственное постановление, которое рекомендовало колхозам вносить изменения и дополнения в свои уставы для определения оптимальных минимумов трудодней и размеров приусадебных участков. Годом ранее, 9 марта 1955 г., совместное постановление партии и правительства предоставило колхозам право устанавливать размер посевных площадей по культурам и количество скота по видам⁴.

В связи с появлением перечисленных выше документов становится актуальным вопрос: каковы были реальные мотивы, потенциал, перспективы и последствия проведения политики расширения колхозного самоуправления? Ряд авторов полагают, что основания для превращения сельхозартелей в жизнеспособные коллективные хозяйства, заинтересованные в саморазвитии, определены были. Ю. В. Кузнецов утверждает, что среди колхозных председателей (даже тридцатитысячников) встречались руководители, выступавшие за хозяйственную самостоятельность сельхозпредприятий [13, с. 497–498]. О. Ю. Ельчанинова акцентировала внимание на том, что по действовавшим правовым нормам колхозы имели широкие полномочия и возможности для относительно независимого

хозяйствования, однако значительный потенциал кооперативной формы производства так и не реализовался [7, с. 60]. Причины отказа от подлинной либерализации колхозной системы данные исследователи увидели в склонности верховной власти решать социально-экономические проблемы с помощью административно-командных методов. Приблизиться к ответу на этот вопрос позволяет анализ хода и результатов реализации постановления от 23 июня 1954 г. Особенности осуществления этого решения, в отличие от специфики введения и использования минимумов трудодней в сталинский период [15; 17] и исполнения вышеотмеченных мартовских постановлений 1955 г. и 1956 г. [4–6], как советскими, так и постсоветскими учеными рассмотрены более чем фрагментарно.

Материалы и методы

Исследование имеет конкретно-исторический характер, поэтому в данной рубрике мы акцентируем внимание на использованных в нем исторических источниках. Статья базируется как на архивной документации, так и на документах и прочих материалах, опубликованных в специальных изданиях, а также в газетной периодике. Используются законодательные, делопроизводственные документы, речи первых лиц государства, информационно-новостные материалы газет.

Постановления, законы и указы высших органов Советского государства, совместные решения ВКП(б) / КПСС и Совета Министров СССР выявлены в фондах и научно-справочных библиотеках российских архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Сборник постановлений Совета Министров СССР за 1954 г. Т. 3. Л. 151.

⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» // Директивы КПСС и советского правительства... С. 365–371; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» // Там же. С. 605–611.

новой истории (РГАНИ) и Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Ряд законодательных источников опубликован на историко-просветительских интернет-ресурсах⁵. Часть задействованных в статье партийных и партийно-правительственных постановлений входит в документальные издания, которые вышли в свет еще в советское время⁶. Делопроизводственные материалы (стенограммы, справки, докладные записки, информации и др.) выявлены в ходе работы с фондами указанных выше федеральных архивохранилищ. В исследовании использованы речи руководителей СССР, изданные в советский период, а также их малоизвестные выступления, хранящиеся в архивах и включенные в современные документально-исторические сборники⁷.

Опорные для настоящей статьи документы – указанное выше постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г., а также два делопроизводственных документа, выявленных в объединенном фонде РГАЭ № 7486 «Министерство сельского хозяйства СССР». Первый – справка о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области, подготовленная аппаратами организационно-колхозного отдела Омского областного управления сельского хозяйства и Главного управления по организационно-колхозным делам Министерства сельского хозяйства СССР на имя В. А. Чувикова – начальника последней из названных структур⁸. Второй – записка В. А. Чувикова «О выполнении Постанов-

ления Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. “Об обязательном минимуме трудодней для трудоспособных колхозников”» на имя заместителя министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича⁹. Документы были подготовлены в апреле 1955 г.

Конкретно-историческая информация, содержащаяся в этих делопроизводственных документах, позволяет скорректировать устоявшиеся в историографии представления об анализируемых процессах, выявить их скрытые тенденции и закономерности.

Результаты исследования

В рамках сложившейся в СССР в 1930-е гг. модели аграрного строя мобилизация ресурсов деревни проводилась при опоре на внеэкономические (повинностные) формы отчуждения аграрного продукта. Из-за низкой оплаты труда колхозники не были заинтересованы в его результатах. Работать на общественных полях и фермах их принуждало государство, в частности, посредством использования такого организационно-управленческого механизма, как годовой обязательный минимум выработки трудодней.

Минимумы ввели в мае 1939 г. в целях привлечения к общественно полезному труду мало и плохо работающих в сельхозартелях крестьян. По мнению И. В. Сталина, «настоящими дармоедами» были почти треть трудоспособных колхозников. К их числу он отнес тех, кто выдавал в год менее 50 трудодней (21 %) и не выработал ни одного трудодня (10 %)¹⁰. В хлопковых рай-

⁵ Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/> (дата обращения: 04.03.2025); Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁶ См.: Директивы КПСС и советского правительства...; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М., 1985.

⁷ См.: *Маленков Г. М.* Речь на сессии Верховного Совета СССР...; *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: [Речи и документы]. Т. 2. Февраль 1955 года – январь 1958 года. М., 1962; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и материалы / гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др. В 5 т. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006.

⁸ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 58–83.

⁹ Там же Л. 131–139.

¹⁰ Речь И. В. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного строительства // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 1–30.

онах каждый совершеннолетний способный к труду колхозник теперь должен был отработать 100 трудодней в течение года; в регионах Севера, Северо-Запада, Центра, Дальнего Востока и высокогорных территорий – 60, в остальных регионах страны – 80 трудодней¹¹.

В апреле 1942 г. минимумы были повышены соответственно до 150, 100 и 120 трудодней и дифференцированы по периодам сельскохозяйственных работ. Так, работники колхозов самой большой, третьей группы районов, занимавшиеся преимущественно возделыванием зерновых культур, с 15 июня по 15 августа должны были выработать 30 трудодней, с 15 августа по 15 октября – 40, с 15 октября по 15 июня – оставшиеся трудодни. Таким образом, 58 % годового объема трудодней приходилось на летне-осенний период, когда проводились основные полевые работы, заготовка кормов, выпас общественного скота. Райисполкомы получили право повышать или понижать на 20 % количество трудодней в периодах работ, исходя из местных условий. Для подростков от 12 до 16 лет устанавливался отдельный минимум в 50 трудодней. Трудоспособные работники сельхозартелей, не выработавшие установленный норматив без уважительных причин, привлекались к суду и приговаривались к исправительно-трудовым работам в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты труда до 25 % трудодней в пользу хозяйства. Колхозники, не выполнившие в

течение года определенный для них минимум, должны были считаться выбывшими из колхоза и лишаться личного приусадебного участка¹².

Повышенный минимум вводился только на период войны, но после Победы его действие неоднократно пролонгировалось, в частности в сентябре 1945 г. и в феврале 1952 г.¹³ В июне 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР указал на необходимость выселения в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих паразитический образ жизни¹⁴.

В правительстве неоднократно обсуждался вопрос о пересмотре трудовой нагрузки для колхозников в сторону повышения. Власти были обеспокоены тем, что действовавшие нормы выработки не способны обеспечить выполнение планов восстановления и развития сельского хозяйства в годы четвертой пятилетки, так как многие крестьяне ограничивали участие в работе на общественных полях и фермах выработкой положенного минимума. В 1947 г. Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР предложил высчитывать годовую нагрузку исходя из общего количества трудодней, необходимых для выполнения производственных заданий. Предусматривалось установить минимум отдельно для трудоспособных мужчин и для трудоспособных женщин. Проект постановления, подготовленный в 1948 г., допускал введение единого для всех регионов норматива в

¹¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // КПСС в резолюциях... С. 114.

¹² См.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 199. Л. 354–356.

¹³ Постановление СНК СССР от 13 сентября 1945 г. «О продлении действия постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней”» // ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Сборник постановлений СНК СССР за 1945 г. Т. 4. Л. 75; Постановление Совета Министров СССР от 2 февраля 1952 г. «О продлении на 1952 год действия постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 508 “О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней”» // ГАНО. Сборник Постановлений Совета Министров СССР за 1952 г. Т. 1. Л. 89.

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 379. Л. 30–31.

размере 150 трудодней для трудоспособных и не менее 60 трудодней для подростков [4, с. 55–56].

После смерти И. В. Сталина политика государства по отношению к колхозам существенно смягчилась. В октябре 1953 г. была отменена уголовная ответственность за невыработку годового минимума трудодней¹⁵. Постановление правительства от 23 июня 1954 г. исходило из того, что минимумы для способных к труду работников сельхозартелей за год и по периодам работ должны устанавливаться колхозные собрания. Новые нормы выработки определялись с учетом конкретных условий хозяйства и с обязательным превышением показателей, действовавших в 1953 г. Решение собрания о минимуме вступало в силу только после утверждения его райисполкомом. Для хозяйств колхозников, отдельные члены семьи которых без уважительных причин не выработали в истекшем году положенное количество трудодней, сельскохозяйственный налог повышался на 50 % в соответствии со ст. 6 Закона «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г.

В записке В. А. Чувилова констатировалось, что в большинстве случаев положения рассматриваемого правительственного постановления были в основном соблюдены. Сроки выполнения трудовых обязательств по периодам работ, как правило, оставались старые, предусмотренные решением правительства, принятым в апреле 1942 г. Размеры минимумов имели значительные колебания: например, в Ставропольском крае и Омской области – от 150 до 450 трудодней¹⁶.

При реализации постановления от 23 июня 1954 г. не обошлось и без серьезных нарушений положений документа, которые выражались, в частности, в затя-

гивании работ по определению трудовых нормативов и в установлении заниженных нагрузок. Так, в Тамбовской области в 1954 г. минимумы утвердили только у половины колхозов. В Ошской и Джалал-Абадской областях Киргизской ССР 11 сельхозартелей ввели для себя нагрузку ниже ранее установленного количества трудодней¹⁷.

Большая часть эксцессов была связана с утверждением норм выработки отдельно для трудоспособных мужчин и для трудоспособных женщин. В 21 субъекте РСФСР дифференцированный по гендерным различиям минимум установили 17 % сельхозартелей. В число регионов, где этот процент был наибольшим, входила Омская область (35 %). В справке о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области отмечалось, что в ряде ее районов число трудодней, которое за год должен был выработать мужчина, существенно превышало число трудодней, установленных для женщины. В колхозе им. Сталина Большереческого района минимумы составляли соответственно 450 и 200, в колхозе им. Кагановича Одесского района – 400 и 175 трудодней. В колхозе им. Куйбышева Кормиловского района определенная для каждой трудоспособной женщины нагрузка в 130 трудодней оценивалась как заниженная, поскольку рядовые колхозницы полеводческих бригад выдавали здесь 180–220 трудодней в год. Мало того, в справке говорилось, что в ряде сельхозартелей новый минимум трудодней устанавливался для отдельных групп трудоспособных женщин по критериям их многодетности и занятости в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ). В практике распределения нагрузки просматривалось стремление высвободить одного из членов семьи, главным образом женщин, для ухода за домом, огородом и скотом¹⁸.

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1953 г. «Об отмене уголовной ответственности за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней» // РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 3. Оп. 10. Д. 53. Л. 15.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 131–132.

¹⁷ Там же. Л. 132–133.

¹⁸ Там же. Л. 60–61, 67, 69, 132–133.

Характерные тенденции прослеживаются при анализе практики установления минимума для мужчин. В записке В. А. Чувикова говорилось, что в колхозе им. Куйбышева Кормиловского района Омской области мужской минимум в 300 трудодней был неправильно распределен по периодам работ. Согласно утвержденному собранием распорядку, значительная нагрузка ложилась на периоды с 15 июня по 15 августа и с 15 августа по 15 октября. На эти месяцы выделили 95 и 130 трудодней соответственно, что в сумме составляло 75 % всего годового минимума. На периоды с 1 января по 15 июня и с 15 октября по 31 декабря приходилась только четверть общей мужской нагрузки¹⁹. Получалось, что в период с середины октября до середины июня работники колхоза им. Куйбышева, получив по трудодням вознаграждение за напряженный труд летом и осенью, намеревались уделять больше времени приусадебному хозяйству, а также охоте, рыбалке и другим традиционным мужским крестьянским занятиям зимнего и весеннего сезонов.

Важно отметить, что в тексте постановления от 23 июня 1954 г. о возможности определять годовой минимум трудодней отдельно для мужчин и отдельно для женщин вообще речи не шло, однако на практике раздельную нагрузку устанавливали. Возможно, дифференциация минимумов на мужские и женские была санкционирована особым распоряжением, которое пока нами не выявлено. Интересную информацию о введении раздельных минимумов мы узнаём из текста справки о реализации постановления от 23 июня 1954 г. в Омской области. В документе, в частности, отмечалось: «Решения общих собраний колхозников об установлении раздельного минимума трудодней в значительной мере были подсказаны со стороны МТС, а МТС были нацелены на это областным управлением сельского хозяйства, которое в почтотелеграмме от 17 июля 1954

года сообщило директорам МТС следующее: «Если общее собрание найдет необходимым, минимум трудодней может устанавливаться для трудоспособных мужчин и отдельно для женщин»²⁰. Понятно, что без разрешения вышестоящих органов на местах подобных указаний принять не могли.

После ухода Г. М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР в январе 1955 г. дифференциация минимума на мужской и женский политическим руководством страны воспринималась как нежелательная практика, способствующая снижению производственной дисциплины в общественном хозяйстве. Оснований для подобных оценок было немало. В Сибири с 1954 по 1955 г. удельный вес колхозниц, не выполнявших установленную для них трудовую нагрузку, увеличился с 18,9 до 20,4 %, или на 1,5 процентных пункта. Среди сибирских регионов этот показатель достиг наибольших значений в Омской области. Здесь он поднялся с 18,4 до 22,0 %, или на 3,6 процентных пункта. На фоне статистики прошлых лет доля крестьянок, уклонявшихся от интенсивной работы в хозяйстве сельхозартели, казалась довольно существенной. Так, в 1950 г. в Сибири минимум не выполнили только 13,4 % колхозниц, в Омской области – 14,6 %²¹. Эти процессы не могли не беспокоить политическое руководство страны, которое понимало, что чем меньше крестьянок участвует в коллективном производстве, тем сложнее развивать общественное животноводство, где преобладает ручной женский труд.

В записке В. А. Чувикова говорилось, что многие женщины не вырабатывают необходимого количества трудодней, так как вынуждены сидеть дома с малолетними детьми. Если бы колхозы располагали большим количеством детских учреждений, трудовой вклад колхозниц в развитие коллективного хозяйства существенно увеличился. В то же время невыход женщины

¹⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 60–61, 134.

²⁰ Там же. Л. 68.

²¹ Там же. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

на работу не всегда связан с уважительными причинами. Многие колхозницы активно занимаются домашним производством, которое в некоторых регионах страны, в первую очередь в южных республиках, дает доход, значительно превышающий заработок от работы в колхозе. Лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, необходимо наказывать в соответствии со ст. 6 Закона «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г., но этот законодательный инструмент применяется редко²².

Подчеркнем, что принятые правительством Г. М. Маленкова меры по стимулированию личных подсобных хозяйств были весьма результативны. Упомянутый выше закон о сельхозналоге²³ существенно снизил налогово-податное обложение ЛПХ, что позволяло их владельцам получать излишки продукции и реализовывать их на рынке. Расширился контингент лиц, пользующихся льготами по уплате налога. Вести домашнее производство стало экономически выгодно. Сын Г. М. Маленкова Андрей в воспоминаниях отмечал, что именно отец настаивал на послаблениях для ЛПХ. По мнению мемуариста, «передача 15 % земли в частное пользование крестьянину буквально на следующий, 1954 год, дала стране столько сельхозпродукции (в том числе и животноводческой), что весь наш народ стал питаться заметно лучше» [14, с. 66]. Существенное увеличение производственного потенциала индивидуальных подворий подтверждается фактическим материалом. Так, в ЛПХ Сибири с 1953 по 1956 г. прирост поголовья КРС (+27 %), коров (+13 %), овец (+59 %) и свиней (+27 %) оказался более впечатляющим, чем в колхозах (+0,1, +12, -1, +1 %) соответственно [1, с. 236–237]. Поэтому Г. М. Маленков, по воспоминаниям его сына, «предполагал передать крестьянам на добровольных

началах земли нерентабельных колхозов и совхозов... и планировал в дальнейшем создание фермерских хозяйств» [14, с. 66].

В 1956 г. в организационном механизме функционирования колхозов произошли заметные изменения. В соответствии с упоминаемым выше постановлением от 6 марта 1956 г. в колхозах в ходе работы по изменению устава сельхозартели был скорректирован действующий порядок организации и оплаты труда. Документ соответствовал духу XX съезда КПСС и сыграл значимую роль в реализации политики десталинизации. На съезде Н. С. Хрущев заявил: «Колхоз – кооперативное хозяйство. В нем все колхозники являются хозяевами, полноправными членами сельскохозяйственной артели, они сами распределяют работу между собой. И это вполне понятно. В нашем социалистическом обществе все направлено на удовлетворение растущих потребностей человека»²⁴. Однако работа по корректировке уставов проводилась колхозниками под плотным контролем партийных органов, поэтому уставы крестьяне поправили так, как было выгодно центру. Центр в первую очередь намеревался поднять в сельхозартелях трудовую дисциплину, чтобы обеспечить выполнение производственных планов.

В рамках реализации постановления от 6 марта 1956 г. минимумы трудодней все же были дифференцированы на мужские и женские. Трудоспособные мужчины, а также трудоспособные женщины, не имеющие малолетних детей, получали повышенную нагрузку. В РСФСР наибольший норматив – 250 трудодней и выше – установили для 56 % мужчин, в Западной Сибири – для 77, в Восточной Сибири – для 83 %. Более половины женщин – 61, 79 и 71 % соответственно – должны были отработывать минимумы в 175 трудодней

²² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1348. Л. 136–138.

²³ См.: Закон «О сельскохозяйственном налоге»: принят Верховным Советом СССР 8 августа 1953 г. // Сборник Законов СССР и указов Президиума Верховного Совета (1938–1956 гг.). М., 1956. С. 321–322.

²⁴ Из отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии 14 февраля 1956 г. «Резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции – всенародная задача» // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР... с. 212.

и выше²⁵. В то же время для колхозниц с малолетними детьми определялись пониженные нормы выработки. Несовершеннолетним, инвалидам и престарелым минимума не устанавливали. Порядок их материального обеспечения оговаривался отдельно. Крестьянам начислялись авансы, а особо отличившиеся работники получали дополнительные выплаты, определяемые по решению общего собрания. Для колхозников, без уважительных причин не выполнявших установленную нагрузку, стоимость трудодня уменьшалась на 25 %. В новых уставах фиксировалось сокращение личных наделов у пенсионеров, а также у колхозников, члены семей которых получали доход от работы в других организациях или не выработывали минимум²⁶. В сельхозартели «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области участок двора этой категории семей уменьшался с 0,4 га, предусмотренных уставом 1935 г., до 0,10–0,15 га. Колхозники должны были сократить поголовье домашнего скота. Так, в указанном хозяйстве по старому уставу каждая семья имела право содержать две – три коровы, по новому – только одну²⁷.

Обсуждение

Итак, «новый курс» аграрной политики колхозники по достоинству не оценили и прогнозируемый властью большой трудовой энтузиазм в целом не проявили. Наоборот, снижение налогового-податного и административного давления государства на хозяйства селяне восприняли как шанс уменьшить трудовую нагрузку, что отчетливо просматривается в практике реализации постановления от 23 июня 1954 г. У тружеников сельхозартелей появилась возможность перераспределить время и силы, расходуемые на труд в общественном секторе колхозного производства, в пользу домашнего хозяйства, что в целом не противоречило курсу на стимулирование ЛПХ.

Фермеризация сельского хозяйства, о которой говорил цитируемый выше мемуарист, на рассматриваемом этапе советской истории – сценарий маловероятный, хотя подобного рода идеи могли рассматриваться в высших эшелонах власти. Согласно циркулирующей в среде историков и публицистов информации, сторонником деколлективизации был Л. П. Берия²⁸. Впрочем, источники, подтверждающие подобную гипотезу, до сих пор не обнародованы. По нашему мнению, решение Г. М. Маленкова дать простор развитию ЛПХ – не смелая попытка преобразовать сложившийся аграрный строй с консервативных позиций, а скорее средство не допустить или преодолеть острый продовольственный кризис. В 1953 г. хозяйства многих регионов СССР (Украинская, Казахская, Латвийская, Литовская ССР, Краснодарский и Алтайский края, Омская и Новосибирская области) не выполняли государственное задание по поставкам хлеба, и руководители данных республик, краев и областей просили центр снизить плановые показатели. Кризис хлебозаготовок 1953 г. был вызван неурожаем зерновых культур (предыдущие два года также выдались недородными) и снижением темпов поставок зерна колхозами, которые стремились оставить больше хлеба в хозяйстве для выживания во время возможного голода. Ускорить ход хлебозаготовок путем репрессивного подавления «саботажников» в новых политических реалиях не представлялось возможным [3, с. 187–189].

Меры по стимулированию ЛПХ стали фактором, сдерживающим развитие колхозов и совхозов. Благодаря личным подворьям в трудовом поведении селян, главным образом женщин, сохранялись основные черты крестьянского менталитета, которые проявлялись в уклонении от высокорезультативной деятельности в общественном хозяйстве и хищениях его ресурсов для нужд

²⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1471. Л. 89, 92.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 87–89.

²⁷ См.: Примерный устав сельскохозяйственной артели // Советская Сибирь. 1935. 20 февр.; По решению общего собрания колхозов // Там же. 1956. 6 мая.

²⁸ См.: Шостко В. Хотел ли Берия распустить колхозы // Крестьянин. 2009. URL: <https://www.krestianin.ru/articles/11774.php?ysclid=m7mzl92v4b457445468> (дата обращения: 27.02.2025).

приусадебного производства. Кроме того, ускорение темпов развития ЛПХ на фоне кризисных явлений в общественном производстве, в первую очередь в животноводстве, побуждало высокопоставленных адептов коммунистической доктрины добиваться использования административно-мобилизационных методов решения производственных задач и ускорения процессов огосударствления деревни и орабочивания крестьянства. В то же время на рассматриваемом историческом этапе ликвидировать ЛПХ руководство страны, конечно, не могло, так как уровень оплаты труда колхозников был существенно ниже уровня зарплат рабочих и служащих. Постепенное наращивание доходов работников сельхозартелей от труда в общественном хозяйстве создало бы условия для сокращения размеров их ЛПХ.

Могли ли колхозы в принципе стать самостоятельными заинтересованными в саморазвитии хозяйствами? Предоставленное им право распределять и нормировать труд и определять основные параметры производства, исходя из местных условий, в полном объеме действовало бы только при благоприятных факторах, обеспечивающих баланс интересов крестьянства и государства. В чрезвычайных обстоятельствах войны, подготовки к ней или послевоенного кризиса мнение колхозников о том, как им лучше вести коллективное хозяйство, центр игнорировал, имея об этом собственное представление, обусловленное сложившейся ситуацией, стратегическими государственными задачами, доктринальными и политическими установками. От административно-мобилизационных методов управления не отказались и в постсталинский период, хотя они уже не были столь одиозными. На пути развития колхозов как самостоятельных хозяйственных структур встали не только мобилизационные методы руководства, но и организационно-управленческая пассивность колхозных коллективов.

Заключение

Таким образом, первая постсталинская аграрная программа правительства, сформулированная в августе 1953 г. Г. М. Маленковым, базировалась на представлении о том, что в колхозах скрыт значительный экономический потенциал, который необходимо высвободить и использовать для подъема аграрного производства. Демонтаж наиболее одиозных механизмов сталинской аграрной системы и организация хозяйственной деятельности на основе подлинных кооперативных ценностей должны были превратить колхозы в эффективного производителя сельхозпродукции. Важным шагом в этом направлении стало принятие рассмотренного в статье постановления. С передачей сельхозартелям права устанавливать минимум выработки трудодней связывалось улучшение организации и оплаты труда колхозников и в конечном счете рост сельхозпроизводства. Однако многие хозяйства использовали это право как способ ограничить свое участие в труде на общественных полях и фермах, чтобы больше уделять внимания ведению ЛПХ. Меры по стимулированию индивидуальных подворий, принятые правительством Г. М. Маленкова в целях предотвращения острого продовольственного кризиса, противоречили программе стимулирования колхозов и в целом не способствовали развитию общественного производства. Работники сельхозартелей были поставлены перед выбором: где следует трудиться больше – в коллективном хозяйстве или в личном? Ответ нашелся быстро: мужчины расходуют больше времени на труд в колхозе, особенно в период проведения основных полевых работ, женщины – на труд в домашнем хозяйстве. Это решение колхозные коллективы по указанию партийных органов скорректировали в пользу развития общественного производства, в том числе приняв меры по борьбе с тунеядцами. При этом учитывались интересы хорошо работающих колхозников и тех, кто нуждался в социальной защите.

Список источников

1. *Андреев С. Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

2. *Андреенков С. Н.* «Либерально-реформаторское направление» в аграрной политике советского государства в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2021. № 4. С. 69–78.
3. *Андреенков С. Н.* Трудовое поведение колхозников Сибири в контексте осуществления аграрной политики государства. 1953–1964 гг. // *Крестьяноведение.* 2024. № 3. С. 185–203.
4. *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 138 с.
5. *Безнин М. А.* Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Вологда, 1989. 89 с.
6. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 255 с.
7. *Ельчанинова О. Ю.* Правовое регулирование колхозных правоотношений: анализ советского законодательства 1950–1970-х гг. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2012. № 7–3. С. 56–61.
8. *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // *Российская история.* 2012. № 1. С. 130–141.
9. *Ковригина С. В.* Внеэкономические формы стимулирования крестьянства Приангарья в послевоенный период // *Иркутский историко-экономический ежегодник.* 2014. Иркутск, 2014. С. 208–214.
10. *Кометчиков И. В.* Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений // *Вестник Тверского государственного университета.* Сер.: История. 2015. № 2. С. 43–57.
11. *Кондрашин В. В., Сухова О. А.* Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930-х – 1950-х гг. // *Новейшая история России.* 2019. № 4. С. 979–992.
12. *Коньшев Д. Н.* Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // *Российская история.* 2011. № 3. С. 102–111.
13. *Кузнецов Ю. В.* Сельская «элита»: председательский корпус орловских колхозов в период аграрных реформ Н. С. Хрущева // *Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Орел, 2006. С. 491–498.
14. *Маленков А. Г.* О моем отце Георгии Маленкове. М.: MAGERIC, 2007. 116 с.
15. *Мотревич В. П.* Повышение обязательного минимума трудодней в СССР и его реализация на Урале // *Аграрный вестник Урала.* 2014. № 9. С. 51–53.
16. *Олзоева Н. В.* Организация, нормирование и оплата труда крестьян в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2012. № 7. С. 91–95.
17. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сб. Вып. 3. Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 262 с.
18. *Томилини В. Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М.: АИРО-XXI, 2021. 448 с.
19. *Чжуан Шици.* Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953–1959 гг. // *Российская история.* 2021. № 3. С. 144–154.
20. *Яхновская С. В.* «Очень много развелось скота у рабочих...». Из опыта государственного регулирования ЛПХ // *Родина.* 2012. № 3. С. 157–160.

References

1. *Andreenkov S. N.* The kolkhoz-sovkhoz system in Siberia in 1946: functioning and reforming. Novosibirsk, Sibprint, 2016, 256 p. (In Russ.)
2. *Andreenkov S. N.* «Liberal-reformist trend» in the agrarian policy of the Soviet state in the mid-1950s – early 1960s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* = Humanitarian sciences in Siberia. 2021; 4 (28): 69–78. (In Russ.)
3. *Andreenkov S. N.* Labor behavior of collective farmers in Siberia under the state agrarian policy in 1953–1964. *Krest'yanovedenie* = Russian Peasant Studies. 2024; 3 (9): 185–203. (In Russ.)
4. *Beznin M. A., Dimoni T. M., Izumova L.V.* Povinities of the russian peasantry in 1930–1960s. Vologda: Vologodskii NKTS TSEHMI RAN, 2001, 138 c. (In Russ.)
5. *Beznin M. A.* Peasant farm in the Russian non-Chernozem region 1950–1965. Vologda, 1989, 89 p. (In Russ.)
6. *Verbitskaya O. M.* The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-40s – early 60s. Moscow, Nauka, 1992, 255 p. (In Russ.)

7. *Yelchaninova O. Y.* Legal regulation of collective farm legal relations: analysis of Soviet legislation of 1950–1970s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. 2012; 7– 3: 56–61. (In Russ.)
8. *Ilyinykh V. A.* Raskrestyanization of Siberian village in the Soviet period: main tendencies and stages. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2012; 1: 130–141. (In Russ.)
9. *Kovrigina S.V.* Extra-economic forms of stimulation of the peasantry of Priangarie in the post-war period. *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik* = Irkutsk historical and economic yearbook. 2014. Irkutsk, Izd-vo BGUEHP, 2014, P. 208–214. (In Russ.)
10. *Kometchikov I. V.* Chairman and collective farmers in the Central Non-Chernozem Region in the mid- 1940s – early 1960s: transformation of relationships. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Herald of Tver State University. Series: History. 2015; 2: 43–57. (In Russ.)
11. *Kondrashin V. V., Sukhova O. A.* Kolkhoz system as the main resource of mobilization economy of the USSR in the 1930s – 1950s. *Noveishaya istoriya Rossii* = Modern History of Russia. 2019; 4 (9): 979–992. (In Russ.)
12. *Konyshchev D. N.* State policy of limitation of personal subsidiary farming (late 1950s – early 1960s). *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2011; 3: 102–111. (In Russ.)
13. *Kuznetsov Y. V.* Village “elite”: the chairman corps of Orel collective farms in the period of agrarian reforms of N.S. Khrushchev. *Dinamika i tempy agrarnogo razvitiya Rossii: infrastruktura i rynek: materialy XXIX sessii Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* = Dynamics and rates of agrarian development in Russia: infrastructure and market: proceedings of the XXIX session of the Symposium on agrarian history of Eastern Europe. Orel: OGU, Orlovskaya pravda, 2006, P. 491–498. (In Russ.)
14. *Malenkov A. G.* About my father Georgy Malenkov. Moscow, MAGERIC, 2007, 116 p. (In Russ.)
15. *Motrevich V. P.* Increase of obligatory minimum labor days in the USSR and its realization in the Urals. *Agrarnyi vestnik Urala* = Agrarian bulletin of the Urals. 2014; 9 (27): 51–53. (In Russ.)
16. *Olzoeva N. V.* Organization, rationing and payment for peasant labor in collective farms of the Buryat-Mongol ASSR in 1945–1953. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* = The Buryat State University Bulletin. 2012; 7: 91–95. (In Russ.)
17. The policy of raskrestyanization in Siberia: chronicle-documentary collection. Vol. III: Tax and deduction of the village. 1946–1952 / Edited by V. A. Ilyinykh, O. K. Kavtsevich. Novosibirsk, Izd-vo NSU, 2003, 262 p. (In Russ.)
18. *Tomilin V. N.* The state and collective farms: 1946–1964. Moscow, AIRO-XXI, 448 p. (In Russ.)
19. Zhuang Shiqi. Agrarian policy and agricultural development of the USSR in 1953–1959. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. 2021; 3: 144–154. (In Russ.)
20. *Yakhnovskaya S.V.* “A lot of cattle breed at workers...”. From the experience of state regulation of private subsidiary farms. *Rodina* = Motherland. 2012; 3: 157–160. (In Russ.)

Поступила 16.03.2025.

Сведения об авторе

Андреев Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). Сфера научных интересов – аграрный строй Сибири в середине XX в. Автор более 120 научных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Submitted 16.03.2025.

About the author

Sergey N. Andreenkov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Sector of Agrarian and demographic history, Institute of history, Siberian branch of the Russian academy of sciences (Novosibirsk, Russia). Research interests: agrarian system of Siberia in the middle of the XX century. The author of more than 120 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9361-0104>.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru